

Стас Самойлов

СТРАХ МАРИКИ#5

ОНИ
ВСЕГДА
РЯДОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Стас Самойлов

Страхмарики #5 Они всегда рядом

«Автор»

2026

Самойлов С.

Страхмарики #5 Они всегда рядом / С. Самойлов — «Автор»,
2026

Забудьте о выдуманных монстрах под кроватью. В этой книге нет места ведьмам, зомби и порождениям преисподней, потому что самый леденящий душу ужас всегда прячется не в сказках, а в реальности. Ваш любезный сосед, который улыбается вам в лифте. Ваш лучший друг, с которым вы делили хлеб. Ваш любимый родственник, чьи руки когда-то качали вас в колыбели. Или просто незнакомец, случайно встреченный на пустынной дороге. Каждый из них носит маску, за которой может скрываться пропасть безумия, безразличия или хладнокровной жестокости. Перед вами смесь из леденящих душу рассказов, где зло не приходит извне, а рождается в тех, кто находится рядом. Где последнее, что вы увидите, будет не когтистая лапа, а лицо того, кому вы доверяли. Прочитайте эти истории перед сном. Они заставят вас задуматься: а так ли безопасно место, где вы живете? Настоящая опасность всегда стоит у вас за спиной. И кстати. Не забудьте закрыть на ночь дверь.

© Самойлов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Нераскрытое дело Воронцова	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Стас Самойлов

Страхмарики #5 Они всегда рядом

Предисловие

Дорогой читатель.

Прежде чем ты перелистнёшь эту страницу и погрузишься в мир, где обыденность обрывается кошмаром, я хочу сказать тебе несколько слов.

Все истории, собранные в этой книге, рождены из одного простого, но жуткого наблюдения: человек — самое страшное существо на земле. Не потому что мы сильнее или хитрее зверей. А потому что мы умеем улыбаться, пока в голове зреет чудовищный замысел. Мы умеем любить, ненавидеть и... убивать, при этом искренне считая себя правыми.

Некоторые сюжеты из этого сборника были вдохновлены реальными делами, о которых мне довелось слышать. Те истории, что гремели на всю страну или оставались лишь шепотом в коридорах правосудия, оседали в памяти, обрастали вопросами и превращались в эти тексты.

Однако хочу предупредить тебя сразу: это не документальная проза и не реконструкция реальных преступлений. Я не беру на себя смелость пересказывать чужие трагедии. Всё, что ты прочтёшь дальше, — плод моего воображения, домыслы, попытка заглянуть в пустые глаза зла и понять, что движет теми, кто переступает черту.

Все персонажи, события, диалоги и обстоятельства вымышлены от начала и до конца. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или мёртвыми, а также с подлинными происшествиями является случайностью и не более чем игрой подсознания.

Я не стремлюсь шокировать тебя ради шока. Моя цель — напомнить о хрупкости того, что мы называем «безопасностью». Зло не ходит в чёрных балахонах с косами, оно носит обычную одежду, сидит с тобой за одним столом, смеётся над твоими шутками и смотрит на мир с пугающим спокойствием.

Пусть эти истории станут для тебя не просто развлечением на ночь. Пусть они заставят задуматься. Прислушаться к шагам за дверью. Присмотреться к глазам собеседника. Потому что иногда единственное, что отделяет нас от пропасти, — это вовремя запертая дверь.

Приятного... и пугающего чтения.

Стас Самойлов.

Нераскрытое дело Воронцова

Сырой октябрьский ветер хлестал по лобовому стеклу мелкой водяной пылью. Майор Алексей Иванович Воронцов прижимал плечом к уху трубку старенькой «Нокии» — единственной модели, которую он признавал за её непробиваемую живучесть, — одновременно выруливая на пустынное Дмитровское шоссе. «Дворники» его служебной «Лады» мерно, с противным резиновым скрипом скребли по лобовому стеклу, размазывая въедливую грязную взвесь. В трубке, перебиваемый помехами, трещал взволнованный голос оперативного дежурного:

— Алексей Иваныч, ты далеко? Тут такое... Жмур в Подрезове, малолетка. Выезжай срочно, там наши уже полчаса как на месте.

— Полчаса? — Воронцов машинально взглянул на циферблат наручных «Командирских» — подарка отца, давно ушедшего на пенсию. Стрелки показывали половину десятого утра. Он поморщился. — И только сейчас звонишь, Петренко? Какого хрена?

— Да там мать... — дежурный замялся, в голосе проступила несвойственная ему растерянная хрипотца. — Врачи «Скорой» еле откачали, в невменяемом состоянии. Опера просто боялись без тебя её трогать, ты ж у нас по таким делам спец. Сам понимаешь...

Воронцов понимал. За двадцать лет в органах, прошедших от зелёного лейтенанта до майора убойного отдела, он насмотрелся такого, что другим и в кошмарах не привидится. Но когда речь заходила о детях, у него самого внутри что-то обрывалось и падало в ледяную пустоту. Он крепче сжал обтянутый потертой кожей руль.

— Что там? — коротко бросил он, перестраиваясь в левый ряд и обгоняя чадающий грузовик.

— Девочка, девять лет, Алиса Кораблёва. Мать утром младшего брата в садик отвела. Отлучалась буквально на полчаса, не больше. Говорит, дочка сама её выпроводила: иди, мол, мам, я мультики посмотрю, подожду. Вернулась — дверь входная открыта нараспашку, прямо сияет щелью. Она туда-сюда... нашла в спальне.

— Что нашла-то? Говори толком! — Воронцов уже начинал раздражаться от этой дурацкой манеры дежурного тянуть кота за хвост, нагнетая туман.

В трубке повисла густая, вязкая пауза. Казалось, даже шум помех стих, будто сама линия испугалась тех слов, которые должны были прозвучать. Воронцов услышал, как дежурный сглотнул.

— Тело на кровати. А голова... голова... В общем, поторопиться.

Воронцов ничего не ответил. Он просто сбросил вызов и до упора вдавил педаль акселератора. Двигатель взревел, натужно загудел, машина рванулась вперёд, рассекая серую пелену дождя.

Типовой шестнадцатизэтажный муравейник из серого облицовочного кирпича в микрорайоне Подрезово встретил его привычной суетой окраинного спальника. Несмотря на погоду, у подъезда номер три кучковались вездесущие старухи-соседки, оживлённо, словно вороны на падали, обсуждающие что-то. Чуть поодаль сбились в кучку мамы с колясками, тревожно поглядывая на машины с включёнными мигалками. Обычная жизнь, в которую ворвалось нечто, чему здесь было не место. Воронцов припарковался прямо на газоне, не обращая внимания на осуждающие взгляды, и быстрым шагом направился к подъезду.

У подъезда стояли два «Форда» с синими проблесковыми маячками и белый микроавтобус судмедэкспертов. Тут же курил, прячась от дождя под козырьком, капитан Самохин — оперативник из местного райотдела, которого Воронцов знал уже лет пять. Это был грузный, флегматичный мужик с вечно усталыми глазами и прокуренными усами, но дело своё он знал. Сейчас, однако, вид у него был непривычно потерянный.

— Здорово, Алексей Иванович, — Самохин пожал ему руку. Ладонь у капитана была влажная и холодная. — Дело — дрянь. Полный ноль.

— Пойдём, по дороге расскажешь, — бросил Воронцов, шагая в подъезд. В нос ударил запах сырой штукатурки и кошачьей мочи.

Они вошли в лифт, и Самохин, нервно потеряв переносицу, начал докладывать:

— Значит так, Иванович. Дверь не взломана. Замок — китайский «Барьер», дешёвка, но без единой свежей царапины. Открывали либо родным ключом, либо профессиональной отмычкой — но тогда мастер экстра-класса. Окна во всей квартире закрыты изнутри, стеклопакеты, ручки не тронуты. Тринадцатый этаж, не балкон — лоджия застекленная, выход на неё один из зала. Соседи — глухие тетерева. Слева — семья с младенцем, у них орало так, что ничего не слышали. Справа — глуховатый дед-пенсионер, с ним вообще без шансов. Домофон на подъезде работает, камеры проверили — одна над входом, одна в лифте, одна на площадке перед лифтами. За промежуток времени с восьми тридцати до девяти утра, пока мать отсутствовала, в подъезд никто посторонний не заходил и не выходил. Вообще никто. Только жильцы.

— Чудес не бывает, — отрезал Воронцов, глядя на мелькающие цифры этажей. — Преступник не мог испариться или пройти сквозь стену. Он вошёл и вышел. Плохо искали.

— А ты поднимись, посмотри, — в голосе Самохина не было обиды, только безнадёжная усталость. — Может, у тебя чутьё сработает. А у меня, прямо скажу, глаз замылился. Я такого за пятнадцать лет не видел.

Дверь квартиры номер сто тридцать семь была обита дешёвым коричневым дерматином, местами протёртым до тканевой основы. Рядом с дверью, на старом, выцветшем линолеуме лестничной клетки, валялся смятый бахил. Внутри гудели голоса. Воронцов, натянув бахилы и перчатки, шагнул через порог и сразу оказался в тесном коридоре, освещённом тусклой лампочкой без плафона. Справа была вешалка с детскими курточками — синяя, побольше, и малиновая, совсем маленькая. Под ними аккуратно стояли две пары сапожек. Слева — зеркало, на уголке которого висел брелок с розовым единорогом. Пахло в квартире почему-то ванилью — видимо, освежитель воздуха, — но к этому сладковатому запаху уже примешивался другой, металлический и приторный, который Воронцов узнал бы из тысячи.

В коридоре толпились эксперты в белых халатах. Один колдовал с дактилоскопическим порошком над дверными ручками, другой осматривал косяк с лупой. Кто-то фотографировал узкий коридор, ведущий в глубь квартиры. Воронцов молча кивнул им и прошёл дальше.

Кухня была маленькая, метров шесть, с дешёвым пластиковым гарнитуром и круглым столом, покрытым клеёнкой в цветочек. На столе стояла чашка с недопитым чаем и тарелка с печеньем — видимо, завтрак девочки. На спинке стула висел школьный ранец с брелками-совятами. На холодильнике магнитами были прикреплены детские рисунки: яркое солнце, домик с трубой, фигурки человечков, подписанные корявым почерком «мама», «папа», «я» и «Ванечка».

Мать девочки сидела на табурете у окна, за которым уныло моросил дождь. Женщина лет тридцати пяти, с простым, незапоминающимся русским лицом — такие лица Воронцов видел сотнями в электричках и очередях. Но сейчас это лицо казалось застывшей гипсовой маской, снятой с античной статуи, изображающей безграничную скорбь. Светло-русые волосы, собранные в небрежный пучок, выбились прядями. Глаза, красные и воспалённые, запавшие, были сухи — видимо, выплакала уже всё, что можно, до дна, и теперь там не осталось ничего, кроме пустоты. Рядом хлопотала женщина-психолог в штатском, пододвигая ей стакан с водой, к которому та даже не притрагивалась.

— Я только на полчаса... — шептала она, ни к кому конкретно не обращаясь, и голос её, тихий и бесцветный, резал по сердцу больше любого крика. — Ванюшка у меня долго одевается, капризничает, колготки ему не те, свитер колет... А Алиска — умница, золото моё...

Сама собралась, быстро так, говорит: «Мам, иди, я тебя тут подожду, мультики посмотрю». Я ей ещё планшет включила, поставила этих, как их... про фей которые, она любила...

— Про «Винкс»? — тихо спросил Воронцов, присаживаясь напротив. Женщина вздрогнула, будто только сейчас его заметила, и медленно перевела на него взгляд.

— Да... — прошелестела она. — Они такие красивые, с крылышками... Она себе тоже крылья просила... на Новый год...

— Меня зовут Алексей Иванович, — мягко сказал он. — Я из области, буду вести это дело. Как вас зовут?

— Светлана... Светлана Николаевна Кораблёва.

— Светлана Николаевна, я знаю, вам сейчас невероятно тяжело, но мне нужно задать несколько вопросов. Это очень важно, чтобы найти того, кто это сделал. Понимаете? Чтобы он больше никогда ни с кем такого не сделал.

Она кивнула, но взгляд её остался стеклянным.

— Вы говорите, дверь была открыта, когда вы вернулись. Вы её точно запирали, когда уходили?

— Да... я всегда запираю. У нас подъезд тихий, но я всё равно боюсь. Замок тугой, его надо захлопнуть, потом ключом... я помню, что закрыла. Ванька ещё дёргал дверь, проверял, как в игре. Я ему говорила: «Всё, закрыто, пошли».

— Ключи у вас не пропали? Может, теряли недавно?

— Нет... ключи всегда в сумке. Вот они. — Она машинально показала связку на брелке.

— Кто ещё знал, что вы в это время уходите из дома? Кто знал ваш распорядок дня? Может, подруги, соседи, коллеги?

— Я в декрете с Ваней... Алиса во вторую смену в школе, ей к двенадцати. Так что утром мы всегда дома. Я только отвожу в садик и сразу обратно. Соседи... ну, мы общаемся с Ирккой из тридцать пятой, она тоже с коляской гуляет. Но я ей не докладывала...

Воронцов кивал, запоминая. Что-то здесь не сходилось. Убийца действовал с пугающей точностью, зная, что у него есть узкое окно в двадцать-тридцать минут. Он был уверен, что мать не вернётся раньше времени. Он знал, что девочка одна. Знал планировку квартиры. Знал, что камеры его не засекут. Это не случайный маньяк, не спонтанное нападение. Это расчёт, хладнокровный и продуманный.

— У Алисы были друзья? Может, она с кем-то переписывалась в интернете?

— Друзья... в школе. Но домой мы никого не приглашали, я строгая в этом плане. А переписывалась... — она нахмурилась, пытаясь вспомнить. — Ну, у неё планшет был. Я ей ставила игры, мультики. Она говорила, что у них в школе есть группа в «Ватсапе». Я не проверяла особо...

— Планшет был здесь? — уточнил Воронцов.

— Да, я ей включила... Он лежал на кровати.

Воронцов переглянулся с Самохиным, стоявшим в дверях кухни. Тот понял без слов и кивнул.

— Светлана Николаевна, я вас пока оставлю. Если что-то вспомните — любую мелочь, даже самую незначительную — сразу скажите моим коллегам.

Он поднялся и вышел из кухни, чувствуя, как давит на плечи невидимый груз. Впереди была спальня.

Он остановился в дверях детской, собираясь с духом. За двадцать лет службы Алексей Иванович Воронцов, казалось, выработал иммунитет к виду смерти. Он видел тела, пролежавшие в ванне неделю, видел жертв пьяных разборок, изрубленных топором, видел повешенных и утопленников. Но то, что предстало его глазам сейчас, заставило его на мгновение замереть, переживая приступ дурноты.

Комната была маленькая, метров девять, но уютная, обжитая, наполненная той особенной аурой, которая бывает только в комнатах счастливых детей. Стены оклеены обоями с розовыми розами, у потолка — бордюр с диснеевскими принцессами: Золушка, Белоснежка, Ариэль. Напротив окна, заклеенного наполовину бумажными снежинками, стоял письменный стол с аккуратно разложенными тетрадками и пеналом с котиками. Над столом — полка с книгами, в основном яркие детские энциклопедии и потрёпанные томики «Гарри Поттера» и «Часодеев». На подоконнике, в плетёном кашпо, зеленел какой-то неприхотливый цветок — хлорофитум, кажется. В углу — корзина с игрушками, плюшевый медведь размером с саму хозяйку, кукольный домик с крошечной мебелью. И посреди этого детского, чистого, наивного мира — кровать, превратившаяся в постамент для чудовищного натюрморта.

Кровать была застелена постельным бельём с единорогами — теми самыми, с мультика про фей. Сейчас бельё было бурым, пропитанным насквозь. Тело девочки в светло-голубой пижаме с улыбающимся облачком на груди лежало поперёк скомканного одеяла, неестественно вывернувшись, как сломанная кукла. Худенькие ручки раскинуты в стороны, на запястье одной — браслетик из разноцветных резиночек, модный у детей. А на соседней подушке, аккуратно пристроенное, как экспонат на музейной витрине, как жуткий выставочный объект, покоилось то, что раньше было лицом Алисы Кораблёвой.

Короткая светлая стрижка, чуть растрёпанная после сна. Большие серые глаза, в которых навеки застыло удивление. Курносый нос, усыпанный мелкими веснушками — лето было солнечным. И чуть приоткрытые губы, на которых замерла едва заметная полуулыбка. Не ужас, не гримаса боли, а именно полуулыбка. Словно девочка в последний миг увидела что-то забавное, кого-то знакомого, кому была рада. В этом было что-то до жути театральное, постановочное, глубоко противоестественное. Словно режиссёр-садист, дьявольский эстет, выстраивал мизансцену по своему извращённому замыслу, добиваясь определённого визуального эффекта.

Воронцов, поборов внутренний спазм, заставил себя подойти ближе, разглядывать профессионально, цепко, отмечая детали. Разрез на шее был не рваный, не рвано-рубленый, как бывает от кухонного ножа, а на удивление ровный, чистый, почти хирургический. Никаких зазубрин, никаких следов «пиления». Один точный, уверенный разрез. Крови, судя по всему, было много — она пропитала матрас, но вокруг, на полу, на стенах, брызг практически не было. Убийца знал, как резать, чтобы не запачкаться.

Судмедэксперт, пожилой, грузный Арсений Палыч, которого Воронцов знал ещё с курсантских времён и глубоко уважал за дотошность и циничный профессионализм, оторвался от работы над телом и мрачно кивнул вошедшему майору.

— Здравствуй, Алексей. Дрянь дело.

— Какие предварительные соображения, Палыч?

Эксперт поправил очки на мясистом носу и вздохнул.

— Орудие — что-то острое, с очень тонким лезвием. Опасная бритва, скальпель, хорошо заточенный сапожный нож. Работа чистая, профессиональная. Убийца знал анатомию — не досконально, конечно, но основы: перерезал сонную артерию и яремную вену, затем, уже посмертно, завершил декапитацию, пройдя между третьим и четвёртым шейными позвонками. Следов борьбы, повторяю для протокола, нет. Вообще. Ни под ногтями, ни на ладонях. Девочку не держали, не связывали, даже за волосы не хватали. Она словно сама легла и подставила шею.

— Или знала убийцу, — глухо отозвался Воронцов, продолжая осматривать комнату. — Настолько хорошо знала, что не испугалась, когда он подошёл сзади с бритвой. Не вскрикнула, не попыталась убежать. Что нужно сделать, чтобы ребёнок девяти лет позволил подойти к себе сзади с холодным оружием?

— Доверять, — коротко резюмировал Арсений Палыч. — Абсолютно доверять. Как родителю или... — он замялся, — или как тому, кого она самапустила в дом.

Воронцов и сам уже думал об этом. Он обвёл взглядом комнату ещё раз, методично, по часовой стрелке. Письменный стол, полки, подоконник, корзина с игрушками, шкаф-купе с зеркальной дверцей... Его взгляд упал на прикроватную тумбочку. Рядом с ночником в виде совы лежал планшет в ярко-розовом силиконовом чехле. Экран был погашен. На чехле — наклейка с тем же диснеевским единорогом.

Воронцов, машинально, не снимая перчаток, взял планшет и нажал кнопку разблокировки. Экран зажёгся, показав домашнюю страницу — милые обои с аниме-девочкой и облачками. Пароля не было. Он провёл пальцем по экрану, и взгляд его упёрся в открытую вкладку браузера — какой-то неизвестный видеочат с лаконичным, минималистичным интерфейсом.

На вкладке был открыт диалог с незнакомым аккаунтом. Вместо имени — длинный набор цифр и букв, бессмысленная абракадабра. Аватар отсутствовал. В окне чата была переписка, последние строки которой заставили Воронцова прищуриться и задержать дыхание.

«Ты уже готова?» — гласило последнее сообщение от безымянного собеседника. Время: 08:44.

«Да, я одна. Мама ушла. Дверь открыла, как ты сказал.» — Это сообщение отправила Алиса в 08:45.

«Умница. Жди. Я уже рядом. Будет весело!» — 08:46.

Время последнего входящего сообщения: 08:47. За десять минут до того, как мать девочки, по её словам, вошла в подъезд.

Воронцов резко выпрямился, сжимая планшет в руке. В висках застучало. Значит, девочка сама открыла дверь. Сама впустила убийцу. Ждала его, потому что он обещал, что «будет весело». Кто-то, с кем она общалась, кому доверяла, пришёл к ней в дом с бритвой в кармане и улыбкой на лице. И она встретила его как друга.

Он вышел из спальни в коридор, где его ждал Самохин.

— Слушай сюда, капитан, — голос Воронцова звучал глухо, но в нём звенел металл. — Планшет немедленно изъять и отправить в техотдел. Пусть пробьют этот чат, этот аккаунт, IP-адреса, всю цепочку. Каждое сообщение за последние две недели. Мне нужно знать, с кем общалась девочка, как долго, кто стоял за этим фальшивым аккаунтом.

— Сделаем, Иваныч, — кивнул Самохин, но Воронцов ещё не закончил.

— Это не всё. — Он сделал паузу, обводя взглядом коридор, лестничную клетку, лифтовый холл. Мысль, которая зародилась у него в голове ещё в машине, теперь оформилась окончательно. — Убийца вошёл в подъезд. Убийца вышел из подъезда. Камеры его не зафиксировали. Понимаешь, что это значит?

— Что он местный? — неуверенно предположил Самохин.

— Именно. Он либо живёт в этом доме, либо провёл здесь последние сутки. Иначе он не смог бы пройти мимо камер незамеченным. Либо он знает, как их обойти. Либо он настолько свой, что ни одна камера не вызвала подозрений. Поднимай записи не за час, не за утро — за все последние сутки. Двое суток. Пусть осмотрят каждого, кто входил, каждого, кто выходил. Каждое лицо, каждую фигуру. Жилыцы, гости, курьеры, сантехники, кто угодно. Мне нужен полный список. И ещё...

Воронцов шагнул ближе к Самохину и понизил голос:

— Никто не покидает этот дом. Понял? Вызывай дополнительный наряд, оцепляйте все выходы. Чёрный ход, подвал, пожарную лестницу, всё. Ни один человек не должен выйти отсюда, пока мы не проверим каждую квартиру. Каждую. Сто тридцать шесть квартир. Поквартирный обход. Легенда — проверка газового оборудования или участковый с профилактической беседой, придумайте что угодно. Но я хочу видеть глаза каждого, кто живёт в этом муравейнике. Если убийца здесь — а я уверен, что он здесь, — он не должен ускользнуть.

Самохин побледнел ещё больше, его прокуренные усы нервно дёрнулись.

— Лексей Иванович, это ж целая спецоперация. Шестнадцать этажей, четыре подъезда... Тут людей нужно — не меньше взвода. И санкция нужна...

— Получишь санкцию. Я прямо сейчас звоню полковнику. А ты пока начинай. Времени нет. Если эта тварь поймёт, что мы её вычисляем, она уйдёт. Ты этого хочешь? Чтобы он ушёл? Чтобы повторил это где-то ещё?

Самохин молча покачал головой.

— Тогда действуй. Планшет — в техотдел. Видеозаписи — на расшифровку. Дом — на оцепление. И поквартирный обход. Всё. Бегом.

Капитан исчез в лестничном пролёте, а Воронцов остался стоять в коридоре, глядя на брелок с розовым единорогом, всё так же висевший на уголке зеркала. За окнами продолжал моросить дождь, барабанил по жестяному отливу. Где-то в недрах этого бетонного улья, возможно, этажом выше или этажом ниже, сидел человек, который полчаса назад аккуратно положил голову девятилетней девочки на подушку и вышел, не закрыв за собой дверь. Который сейчас, возможно, смотрел в глазок своей квартиры на суету в подъезде. Который знал, что его ищут, и не боялся.

— Найдём, — тихо сказал Воронцов сам себе. — Из-под земли достанем.

Но он ошибался.

Следствие по делу Алисы Кораблёвой длилось долгих шесть месяцев. Техотдел восстановил всю переписку девочки, вычислил IP-адрес, с которого велась переписка, но он вёл в прокси-сервер, зарегистрированный на подставное лицо в Нидерландах, — тупик. Аккаунт в видеочате был создан за два дня до убийства с одноразового номера, купленного в переходе метро без паспорта. Планшет не сохранил никаких следов видео или аудиозвонков, только текстовые сообщения. Эксперты-криминалисты изъяли сотни отпечатков пальцев в квартире, но все они принадлежали либо членам семьи, либо их ближайшему окружению. Ни одной зацепки. Ни одного следа ДНК, оставленного посторонним.

Поквартирный обход, на котором так настаивал Воронцов, занял три дня. Сотрудники в штатском и форме обошли все четыреста тридцать две квартиры в четырёх подъездах огромного дома. Они беседовали с жильцами, осматривали помещения, проверяли документы. Они искали человека, который нервничал бы, путался в показаниях, не мог объяснить, где был утром рокового дня. Но ничего. Либо убийца был гениальным актёром, либо его попросту не было среди тех, кого проверяли. Несколько подозрительных личностей — ранее судимый за кражи алкоголик из седьмой квартиры, тихий компьютерщик-затворник из пятидесят четвёртой, странноватый пенсионер-коллекционер ножей из сто двенадцатой, — были отработаны досконально и отпущены за отсутствием улик. У каждого из них было алиби.

Версия о том, что убийца мог проникнуть в дом через подвал или чердак, минуя камеры, тоже не подтвердилась. Все входы были опечатаны управляющей компанией ещё за месяц до происшествия, замки целы, следов взлома нет. Версия о сообщнике среди жильцов, который провёл убийцу через чёрный ход, рассыпалась после десятков допросов. Версия о том, что преступник замаскировался под одного из жильцов, использовав украденные ключи от подъезда, повисла в воздухе без доказательств.

Отработали всех, с кем Алиса общалась в школе. Учителей, одноклассников, их родителей. Ничего. Отработали мать, отца — он приехал из другого города на следующий день после убийства, и его алиби было железным: он находился в командировке в Ростове-на-Дону, что подтверждалось билетами, чеками из гостиницы и десятком свидетелей. Отработали всех, кто когда-либо бывал в их квартире: подруг матери, мастеров по ремонту стиральной машины, курьера из интернет-магазина. Ничего. Пусто.

Дело постепенно превратилось в «висяк». Сначала его перевели в разряд приоритетных, выделили дополнительных людей. Потом, через месяц, когда не появилось ни одной новой

зацепки, людей отозвали. Потом, через три месяца, когда схлынула волна общественного резонанса, оно перекечало в архив, пополнив ряды нераскрытых преступлений.

Воронцов продолжал работать над ним даже после того, как руководство приказало сосредоточиться на текущих делах. Он брал папку с делом Кораблёвой домой, перечитывал по вечерам, искал упущенные мелочи. Он чувствовал, знал, что где-то есть ниточка, за которую можно потянуть. Но ниточка не находилась. Словно убийца и впрямь был призраком — вошёл, сделал своё чёрное дело и растворился в сыром октябрьском воздухе, не оставив после себя ничего, кроме застывшей полуулыбки на мёртвом детском лице.

Прошло полгода. Дело Кораблёвой покрылось пылью. Никто так и не узнал, кто убил девятилетнюю Алису, как он попал в запертую квартиру, как вышел из неё, не попав в объективы камер, и куда исчез потом. Для Светланы Николаевны время остановилось в то дождливое утро. Для всех остальных — потекло дальше.

Но Воронцов иногда просыпался среди ночи в холодном поту. Ему снилась детская комната с единорогами на обоях и голова на подушке, которая смотрела на него серыми глазами и, чуть шевеля губами, беззвучно спрашивала: «Почему?»

Ответа у майора не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.